

Окончание.
Начало — на стр. 1
"ЗАВТРА". С одной стороны, есть либеральный проект, предполагающий полное встраивание в западную модель, где России изначально отводится подчиненная роль, а с другой — существует условно православно-монархическое направление, которое предлагает собственную модель государственного устройства.

Захар ПРИЛЕПИН. При всём моём уважении к Александру Гельевичу Дугину, это тоже либерально-буржуазный проект, просто декорации у него другие: разговоры о православии, монархии, о том, что мы все русские. Хотя сразу возникает вопрос: насколько они сами русские и почему считают себя более русскими, чем, например, коммунисты? Суть здесь очень простая. Есть представители крупного бизнеса, которые не получили ведущих ролей в нынешнем западническо-либеральном буржуазном проекте. Поэтому они говорят: "Давайте назовём проект православно-монархическим" — и под этой вывеской постараемся подтянуть к нему народ.

"ЗАВТРА". Ностальгия по советскому прошлому в обществе сохраняется, но сам неосоветизм, как мне кажется, сознательно дробят: Слуцкий выделяет из советского наследия прежде всего идею социального государства, Зюганов — тему перераспределения и раскулачивания, "Новые люди" апеллируют к технологическому рывку и образу советских учёных и инженеров. Даже в официальной повестке звучит антиколонизальная риторика, которая тоже отсылает к советскому опыту. Может быть, целостный советский проект действительно слишком опасен для глобальной либеральной повестки, особенно сейчас, когда в демократических партиях с сильным левым уклоном начинает доминировать риторика Советского Союза?

Захар ПРИЛЕПИН. Доминировать — это громко сказано, но суть вы подметили верно. Действительно, сложившееся положение вещей в российской политике, как мы уже обсудили, подразумевает возможность использования монархической, ультраправославной риторики, а левой риторикой всерьёз не подразумевает. Не потому, что, как утверждают, она умерла, отжила своё, а как раз потому, что она своё не отжила и может вернуться. Чуть допускается "красное", как это было в начале СВО, — появляются ребята под альмами знамёнами, едущие освобождать Украину, бабушку с красным флагом начинают рисовать на муралах, в разных городах люди восстанавливают памятники Ленину. И сразу возникает вопрос: если всё это будет продолжаться, как проводить выборы? Красный флаг победит, потому что, если под красным флагом освобождают территорию, он становится флагом Победы. Скажу прямо: если бы сегодня две-три партии левого толка объединились в Союз левых сил, они, безусловно, с небольшим перевесом обыграли бы "Единую Россию", и страна фактически вернулась бы к Советскому Союзу, вновь став левой. Именно этого либерально-буржуазный истеблишмент и не хочет, потому что за этим последовала бы ревизия собственности. Может быть, никакой ревизии и не будет, может быть, обо всём условятся, но зачем вообще рисковать? Поэтому антиколонизальной борьбой мы занимаемся главным образом на конференциях в Москве и Санкт-Петербурге, где собираем представителей разных стран и говорим: здравствуйте, братья, мы вместе с вами ведём борьбу против мирового истеблишмента, хотя даже не называем противника поимённо, в отличие от Советского Союза, где враг обозначался прямо. Поэтому антиколонизальная борьба у нас тоже во многом носит имитационный характер. Если бы резюмировать, то послание к власти можно сформулировать очень просто: если она хочет сохранить свои либерально-буржуазные интересы, то единственная идеология, которая сегодня может быть востребована и внутри России, и за её пределами, — это либерально-буржуазная модель, дополненная антиколонизальной повесткой, потому что и современный Китай, и страны Латинской Америки, и многие африканские государства, даже называя себя социалистическими или коммунистическими, имеют очень серьёзный капиталистический элемент. Это страны с миллиардами, частным капиталом и частной собственностью. Они лишь отстаивают свою независимость от Соединённых Штатов. Следовательно, такую систему вполне можно выстроить, не отказываясь ни от своих доходов, ни от заводов, ни от парковок. При этом можно сказать западному миру: мы не собираемся подчиняться вам. Вы привыкли видеть в нас ресурс, а мы себя ресурсом не считаем. Мы такие же либеральные буржуа, как и вы. Не хуже, а может быть, даже лучше. Но у них начинают дрожать поджилки: справимся ли мы с Западом? Даже если они уже вывели свои миллиарды, наш истеблишмент не готов повышать ставки. Всё остальное — скифы, гунны, левые, коммунистическая

идея — им не подходит. Реальное появление этих политических концепций возможно только в случае слома системы.

"ЗАВТРА". Вы говорите, что российская элита во многом остаётся заложником сложившейся либеральной модели. Однако, если внимательнее присмотреться к самому Западу, прежде всего к Соединённым Штатам, становится очевидно, что и там происходят серьёзные изменения: если в Республиканской партии определяющим политическим явлением стал трамппизм, то в Демократической партии всё большее влияние приобретают те, кого сегодня в уничижительном смысле называют "леваками".

Захар ПРИЛЕПИН. Они не леваки, а социалисты. Они занимаются тем, чем Слуцкий занимается лишь отчасти, — реальным строительством социального государства в США. Они прекрасно видят, что две трети американцев хотели бы жить при социализме. Поэтому нынешние американские левые — это не про гомосексуалистов и не про защиту насекомых.

"ЗАВТРА". Получается, тренд, который когда-то задавал Советский Союз, теперь может прийти к Западу. Может ли случиться так, что и наши сторонники западного пути, увидев, куда меняется этот ветер, однажды скажут: "Пора ставить красные флаги"? Или наоборот: Россия станет убе-

подреплённой экономическими сверхпреференциями и сверхвозможностями, которые они получили благодаря захвату целого континента. Отсутствие войн и интервенций на собственной территории позволило им укрепиться и заработать огромные деньги на мировых войнах — и не на одной, и не на двух. Если бы не Великая Отечественная война, население нашей страны достигло бы трёхсот пятидесяти миллионов человек, а уровень жизни был бы совершенно иным. Они разрушили треть европейской части России, убили двадцать семь миллионов самых молодых, самых здоровых и сильных людей, по существу, выкосив наш политический класс и уничтожив лучших молодых коммунистов. Над нашей страной было совершено жесточайшее насилие, после чего нам сказали: "Что же вы так плохо соревнуетесь с Америкой?" Хотелся напомнить: речь идёт о вашей собственной стране, о ваших дедах и прадедах, понёсших неслыханные потери. Чему здесь радоваться? Нам подрубili ногу, руку, ударили в спину, а потом сказали: "Теперь бегите наперегонях с молодой Америкой, заработавшей огромные деньги на наших трагедиях". И только потом свою роль сыграли Голливуд и вся система американской самопрезентации, благодаря которой Соединённые Штаты сумели представить себя наследниками всей европейской традиции. Собственная история у них короткая: ковбой, Гражданская война, победа над Гитлером — и на этом она, по существу,

Ред.), нет всех этих меньшинств, всего этого разнообразного, как выразился Трамп, лунатизма. Сначала мы подумали, что именно на этой основе будем дружить с Трампом, а потом выяснилось, что у него с геями всё в порядке: они у него работают, и особенно он с ними не борется. Да и мы, если честно, тоже не боремся. У нас тоже везде есть, просто мы не даём это пропагандировать.

"ЗАВТРА". Коррупция есть, а коррупционеров нет.

Захар ПРИЛЕПИН. Надо признать, что коррупционеров у нас действительно жёстко выметают, а вот гей-лобби в театре и шоу-бизнесе системе совершенно не мешает. Тем не менее именно на этой почве выстраивается соответствующее позиционирование: несчастные европейцы и другие люди, оказавшиеся в руках развратной либеральной системы, могут приехать в Россию. С этой темой последовательно работают: нам сообщают, что в страну уже приехали сто тысяч французов, двадцать тысяч голландцев, пятнадцать тысяч немцев и что Россия постепенно становится новой Меккой консерватизма.

На мой взгляд, это иллюзия. Во-первых, значительная часть приезжающих составляют бывшие граждане России. Во-вторых, Россия остаётся чрезвычайно сложной страной для адаптации иностранцев. В петровско-екатерининскую эпоху они приживались потому,

заканчивается, а потому американцы напрямую апеллируют к Древнему Риму, называя себя демократами и имперцами, переехавшими когда-то в Америку. Так они и удлинili собственную историю, и мир, по существу, в это поверил: был Древний Рим, а теперь есть Голливуд, Вашингтон и Нью-Йорк. Так они сумели представить себя наследниками древней европейской цивилизации. И в каком-то смысле это действительно так: это европейцы, переселившиеся в Америку, уничтожившие прежний мир, загнавшие его в резервации и построившие там своё государство. От этого они не перестали быть представителями древних европейских народов, они просто нашли себе новое "жизненное пространство".

"ЗАВТРА". Возможно, перспективно то, о чём говорил Владимир Путин, когда называл гуннов и скифов нашими предками? Может ли такой евразийский проект стать основой для интеграции с Китаем, Ираном, тюркским миром и странами Глобального Юга, предложив им общую историческую и цивилизационную рамку?

Захар ПРИЛЕПИН. Мне хотелось бы понять, кто предложил президенту эту концепцию. Может быть, он прочитал какую-то книгу, он человек читающий, и она его заинтересовала. Так или иначе, продолжения эта история не получила. Если мы скифы и гунны, значит, мы должны претендовать на пространство бывшей Российской империи и Советского Союза. Кроме того, мы должны открыто помогать Ирану, жертвуя дружбой с Трампом. Поэтому концепция так и не сложилась. И, думаю, уже не сложится, потому что ей не за что зацепиться в общественном сознании. Да, есть Блок, есть знаменитое: "Да, скифы — мы, да, азиаты — мы". Но эти строки появились в совершенно определённом историческом контексте. Блок писал их как поэт социалистической революции, воспринимая её прежде всего как антизападную революцию. Наши националисты пытаются доказать, что социалистическая революция была западным конструмтом, сделавшим Россию зависимой от Запада, чуть ли не его колонией, хотя в действительности всё обстояло ровно наоборот. Что сделал Ленин сразу после революции? Он позвал товарищей из Монголии, Кореи, Китая, Вьетнама — обратил внимание, какой безупречный подбор стран, — и сказал: "Ребята, давайте проведём у вас антиколониальные революции". Он вложился в них, и эти революции, часть ещё при Ленине, победили. Именно эти страны стали основой социалистического блока, в том числе и современного. То есть ленинское прогнозирование было, во-первых, безупречным, а во-вторых, направленным на Восток. Большевики боролись с басмаками, двинулись в сторону Китая, Монголии, Улан-Батора. А Запад они сказали: всё, идите к чёрту, мы с вами не дружим, у нас с вами ничего не получилось, революция в Европе не удалась. Именно это быстро прозрел Блок, потому что он был гениальным поэтом. Сегодня в нашей стране продвигают, как мне кажется, концепт, родившийся где-нибудь в администрации президента: Россия — страна консервативных ценностей. У нас нет бреда ЛГБТ (запрещённое в РФ экстремистское движение. —

но в этом смысле вполне выгодная для нас методичка, которая сводится к простому принципу: с нами выгодно торговать. Мы можем предложить то, что есть далеко не у всех. Россия действительно одна из самых богатых стран мира.

"ЗАВТРА". Но ведь это идеология элит, что она может предложить обычному европейцу?

Захар ПРИЛЕПИН. Они с простыми людьми вообще не разговаривают. Да и у нас никто не хочет разговаривать с народом. Это действительно одна из главных бед нашей политики: она не апеллирует к миру, не апеллирует к гражданам других стран. Она хочет добазариться между серьёзными пацанами. Большевики действовали иначе. Они говорили: "Товарищи из Кореи, товарищи из Китая, товарищи из Вьетнама, вот вам методичка — идите в народ, создавайте партии, сообщества, доносите до людей нашу правду". И когда народ услышит это слово, он вместе с вами возьмёт власть.

"ЗАВТРА". Идите и проповедуйте.

Захар ПРИЛЕПИН. Главный парадокс заключается вот в чём: у нас с утра до вечера показывают двух-трёх персонажей из американского истеблишмента и полтора — из европейского, которые симпатизируют России. Но при этом многотысячные манифестации левых, социалистов

чтобы понять: Рокоссовскому, Жукову, Коневу не было пятидесяти. Людям, непосредственно управлявшим страной и армией, — тридцать пять — сорок с небольшим, а Сталин среди них был самым старшим.

То же самое происходило в культуре. Военные корреспонденты, литераторы, музыканты — Симонов, Долматовский, Шолохов — были молодыми мужчинами, находившимися на пике своей формы. Советская власть их выучила, создав колоссальный кадровый резерв, и именно эти люди в значительной степени обеспечили стране Победу. Разве у Сталина не было старых семидесятилетних управленцев? Конечно, были, и можно было собрать их, рассуждая, что старые люди мудры и борозды не испортят, однако советская власть совершенно осмысленно сделала ставку на огромную массу зрелых людей, находившихся в расцвете сил. У нас это отчасти понимают, поэтому и придумали программу "Время героев", но пока она работает как нишешвый и во многом имитационный проект. На десять настоящих героев приходится ещё столько же людей, которые то ли были на СВО, то ли не были, то ли участвовали, то ли нет, но в документах у них всё прописано правильно. Люди внутри истеблишмента быстро поняли, что статус ветерана становится проходкой в новую политическую элиту, поэтому ветераны у нас начали плодиться с необычайной скоростью, причём разнообразные нимые участники СВО появляются уже на самых высоких должностях. Это зеркальное отражение всей нашей системы: она имитационна практически на каждом уровне, поэтому, даже когда мы впервые пытаемся сделать что-то всерьёз, результат нередко оказывается таким же. Когда власть, к примеру, направляет в Министерство обороны, Росгвардию и другие структуры запрос на участников СВО, хорошо, если решение принимается на самом верху. Но

что получали землю, средства, широкие возможности и крепостных нет. Поэтому, как только в Европе закончится нынешний период гендерного лунатизма, а в обозримой исторической перспективе они неизбежно в него неапрутятся, большинство этих людей вернётся обратно. Они не останутся жить в России и не пополнят число её белых граждан. Поэтому надежды на создание здесь огромной западной белой цивилизации, объединённой неприятием гендерного атлантизма, беспочвенны. Россия не станет Меккой консерватизма ещё и потому, что сама в полном смысле консервативной страной не является: наш консерватизм во многом носит имитационный характер.

"ЗАВТРА". Любая идеология невозможна без теоретической основы. Есть ли сегодня такая база у России? Существует ли целостная теория наших консервативных ценностей, объясняющая, где, при каких условиях и почему они могут быть востребованы?

Захар ПРИЛЕПИН. Надо понимать, что в разных странах и консервативные ценности разные. То, что у нас считается консервативной нормой, у них может восприниматься совершенно иначе. У кого-то и браки с четырнадцати лет являются частью традиции, и это тоже, с их точки зрения, консервативные ценности. Более того, за многое из того, что для них считается нормой, у нас бы просто посадили в тюрьму. Поэтому никакой универсальной модели здесь нет. Есть одна очень короткая,

и коммунистов, проходящие в Германии, Франции, Греции и даже в Соединённых Штатах, где открыто поддерживают Россию и выступают против неонацистского режима на Украине, у нас практически не освещаются. Ни одного полноценного репортажа об этом, по сути, не вышло. Это определённый эффект буржуазного снобизма, который у нас непреодолим. Россия, к счастью для нас, остаётся страной во многом необжитой и неисследованной: пространства наши колоссальны, а порядки, как писали ещё тысячу с лишним лет назад, по-прежнему мало. Если бы мы действительно поставили перед собой такую цель, можно было бы предложить левым и коммунистам совершенно фантастический вариант: "Ребята, берите кусок Сибири вместе с частью тундры и стройте там свой грёбаный социализм, только нам не мешайте. Мы будем наблюдать за вами в бинокль, но стройте, ради бога". Когда-то, при Екатерине, общинам уже давали землю для освоения новых территорий. Конечно, сегодня это скорее фантазия.

К той же теме относится и перенос столицы. Он неизбежно привёл бы к масштабному кадровому обновлению, потому что значительная часть московского истеблишмента нигде не поедет: ни свои Рублёвки, ни дачи они не бросят. Зато на новом месте неизбежно появились бы совершенно новые, молодые кадры. Друзья мои, Россия не может управляться поколением семидесяти- и восьмидесятилетних. Мне пятьдесят лет, и даже я для всего этого уже стар. Достаточно вспомнить Великую Отечественную войну,

чаще отбор оказывается в руках генералов, у которых есть свои дети, племянники, знакомые и собственные представления о том, кого следует рекомендовать. В результате наверх попадают "свои" люди — хорошие ребята, участники СВО, служившие в серьёзных военных структурах и спецслужбах, — однако принцип остаётся прежним: назначают тех, кого сочли нужным поставить. Послевоенный кадровый отбор строился по совершенно иным принципам. Сколько ни ищите, вы не обнаружите в нём ни детей Берии, ни детей Жукова, ни детей Конева. Тогда действительно произошёл кадровый отбор, и во власть пришли люди с земли, чтобы управлять страной. Возьмите Политбюро 1955 или 1965 года: это были мужчины, прошедшие фронт и оттуда пришедшие в государственное управление. Они не были ничими детьми, не происходили из номенклатурных семей и не обладали наследственными привилегиями. То же самое происходило в кинематографе, литературе и музыке, которыми управляли люди, совершившие колоссальный вертикальный взлёт. Никакой наследственной номенклатуры там долгое время не существовало, и вплоть до 1970–1980-х годов страна во многом строилась именно таким образом. Благодаря этому она и достигла своих наиболее очевидных успехов. Но мы изо всех сил не желаем этот опыт воспроизводить.

"ЗАВТРА". Захар, спасибо за беседу!
Беседовал
Максим НЕВЕНЧАННЫЙ

На фото: Захар Прилепин держит фото Дарьи Дугиной на фоне портрета Александра Захарченко